

П'ЯТА ГРАНЬ

Морок В. Е

Морок В.Е

Пятая грань

«Автор»

2026

Морок В.Е

Пятая грань / Морок В.Е — «Автор», 2026

Владивосток, недалёкое будущее. Матвей Громов зарабатывает на жизнь мелким воровством и редким даром — способностью двигать предметы силой мысли. Его обычный день меняется навсегда, когда он встречает Соню — девочку, которую преследуют люди в сером, и становится свидетелем её дара предвидения. За девочкой охотятся не бандиты — таинственный Орлов, представляющий секретный «Проект Ясность», уверен: Соня — ключ к опасной формуле Ковалёнта-7. А её мать, учёная Вера Левшина, уже десять лет заперта в стазис-капсуле. Матвею предстоит пройти через погони в тумане, штурм подземного дота, союз с общиной одарённых и сделку с человеком, который сломал его отца. А Соне — решить, какую цену она готова заплатить за свободу. Триллер о дарах, которые нельзя приручить, о семье, которую приходится собирать заново, и о том, что настоящая сила — не победить врага, а остаться собой на его условиях.

© Морок В.Е, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. МАТВЕЙ	7
ГЛАВА 2. ОТКАЗ	9
ГЛАВА 3. ТУМАН НА СВЕТЛАНСКОЙ	12
ГЛАВА 4. КАЗЁНКА	15
ГЛАВА 5. СЛЫШАЩАЯ РИТА	18
ГЛАВА 6. СЕДЬМОЙ ПРИЧАЛ	22
ГЛАВА 7. ТЕНЬ У ЛЕДОКОЛА	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Морок В.Е

Пятая грань

ПРОЛОГ

Туман в тот год лёг на Владивосток раньше обычного — в конце августа, будто сам город решил спрятаться.

Вера Левшина не любила туман. Она говорила, что в нём плохо видно будущее — оно, как и бухта, растворяется в сером молоке, и ты идёшь, выставив руки, не зная, упрёшься в стену или шагнёшь в пустоту.

В ту ночь она рисовала быстро, не глядя на бумагу. На первом листе возникли мужская фигура в профиль, цифра «7» и буква «Г» у края. На другом, отложенном отдельно, проступил силуэт у портового крана — седьмой рисунок. Рядом Вера вывела лицо девочки с длинной косой — своей дочери, только взрослее, чем она была сейчас.

— Соня, — прошептала она, не поднимая головы. — Запомни первый рисунок. Остальные я спрячу. Когда-нибудь они помогут тебе понять, что случилось.

Соне было три года. Она ничего не запомнила — да и не могла. Спустя десять лет первый лист окажется у неё в руках, пожелтевший, пропахший сыростью, с единственной надписью на обороте, сделанной уже другой рукой: «Отдай тому, кто двигает». Седьмой рисунок с краном она тоже сохранит, хотя долго не поймёт, почему мать выделила его отдельно.

В ту ночь за Верой пришли.

Их было шестеро — в штатском, без опознавательных знаков, но Вера узнала бы их даже в толпе из миллиона человек: сотрудники Отдела К, среди которых были два Внушающих, двигались по-особенному, будто вели беседу сразу с десятком людей внутри собственной головы. Старшим был молодой, подтянутый подполковник с ровным голосом и глазами, которые не выражали ничего, — Руслан Багров.

— Вера Петровна, — сказал он почти вежливо, — вы знаете, зачем мы здесь.

Она знала. Семь лет она работала в закрытой лаборатории на острове Елены, пытаясь создать стабильную сыворотку, которая должна была избавить одарённых от хрупкости их собственного дара. За это время эксперименты погубили десятки носителей. В ночь, когда формула наконец сошлась, Вера забрала последнюю рабочую ампулу. Основной запас Ковалёнта-7 хранился отдельно — в транспортном контейнере, подготовленном к вывозу. За несколько часов до облавы она связалась с Александром Громовым, сотрудником, который отказался подписывать отчёты о гибели испытуемых. Он согласился спрятать контейнер и вывезти его, если появится возможность. Вера понимала, что этот план может сорваться, поэтому оставила для Сони отдельный след — рисунок с цифрой «7».

— Ковалёнт не ваш, — ответила она. — Он никому не принадлежит.

— Он принадлежит государству, — поправил Багров без всякой угрозы в голосе, как учитель, поправляющий ошибку в тетради. — Отдайте ампулу, и мы забудем про остальное.

Она не отдала.

Через три улицы отсюда, в доме неподалёку от сопки Орлиное Гнездо, другая семья тоже слышала в ту ночь шаги на лестнице. Семнадцатилетний Матвей Громов сидел на подоконнике и смотрел, как во двор въезжает серая «Волга» без номеров, а потом ещё одна. Отец, не оборачиваясь, сказал ему тихо: «Спрячься за шкаф и не шевелись, что бы ты ни услышал». Матвей спрятался. Он слышал, как хлопнула дверь, как отец что-то сказал — ровно, без крика, — и как потом в коридоре застучали чужие шаги, а затем всё стихло.

Он не пошевелился. Ни когда голоса стали глухими за закрытой дверью. Ни когда машины уехали. Ни когда наступило утро, и соседка, тётя Галя, нашла его всё ещё сидящим за шкафом, одеревеневшего от страха.

Через четыре года после исчезновения Александра Матвею выдали справку: отец погиб в закрытом блоке № 3. Тела ему не показали, место захоронения не назвали. Взрослые объясняли, что так бывает с теми, кто работает на государство, но Матвей так и не смог принять документ за доказательство.

Эта секунда — секунда, когда он мог выйти, крикнуть, толкнуть, хоть что-то сдвинуть силой мысли, которая уже тогда просыпалась в нём, — осталась с ним на десять лет. Он носил её внутри, как камень в кармане, и каждый раз, когда жизнь предлагала ему рискнуть собой за кого-то другого, этот камень тянул его назад.

Вера Левшина исчезла той же ночью. Официально считалось, что она сбежала, забрав последнюю рабочую ампулу; неофициально ходили слухи, что её увезли люди Багрова. Ни одна версия не объясняла, почему вскоре пропал и транспортный контейнер с остальными образцами Ковалёнта-7. Ампулы, которую унесла Вера, внутри уже не было. Отдел К долгие годы считал контейнер второстепенной потерей. Это оказалось ошибкой.

Прошло десять лет.

Туман снова лёг на город раньше обычного.

ГЛАВА 1. МАТВЕЙ

Владивостокский порт пах соляжкой, рыбой и чужими деньгами.

Матвей Громов стоял у седьмого пирса, облокотившись на ржавый контейнер, и наблюдал, как два амбала из Артёма выясняют, кто кому должен за вчерашний бой без правил в подвале на Нейбута. Один из них — тот, что покрупнее, с татуировкой якоря на шее, — уже вытаскивал из куртки нож, явно не для того, чтобы чистить рыбу.

— Семьсот, — сказал Матвей, не повышая голоса. — Отдай ему семьсот, и мы все пойдём пить чай.

— Да я тебе сейчас в чай горло вставлю, — огрызнулся амбал с якорем.

Матвей вздохнул. Ему двадцать семь, он не хотел крови на пирсе в десять утра — слишком много свидетелей, слишком много камер, которые, может, и не работают, но кто проверял.

Он чуть сдвинул взгляд — будто просто посмотрел в сторону, — и нож, который амбал сжимал в кулаке, вдруг вывернулся из пальцев и улетел в бухту с лёгким плюх.

Со стороны это выглядело так, будто у парня внезапно свело руку.

— Чертовщина какая, — пробормотал он, уставившись на ладонь.

— Нервы, — пожал плечами Матвей. — Семьсот рублей и забыли эту историю. Договорились?

Договорились. Через пять минут он уже шёл вдоль причала с купюрами в кармане, считая эту смену ещё одной удачной работой без шума. Небольшая комиссия с проигравших, никаких следов, никакого внимания. Способность, которую можно было использовать так, чтобы соседи приняли её за ловкость или случайность: подумают, что ты просто ловкий или везучий.

Во Владивостоке таких, как он, были десятки. Может, сотни — никто точно не считал, потому что считать такое означало привлечь внимание, а внимание — последнее, что нужно одарённому в этом городе.

Матвей жил по собственным правилам, которые выработал в ночь, когда отца увезли: не выделяться, не связываться с чужими делами, не геройствовать. Подрабатывал на ставках, иногда помогал грузчикам на рынке — не руками, а едва заметным толчком, который делал ящики легче, чем они были, — и каждый вечер возвращался в свою комнату на Полтавской.

Рядом с фотографией отца у катера лежала копия справки о смерти Александра Громова. Это был единственный официальный документ, подтверждавший его гибель. Тела Матвей не видел.

Он помнил его голос. Помнил его последнюю фразу про шкаф. Он не помнил его лица без усилия — лицо стиралось быстрее, чем хотелось.

К обеду бухта скрылась в молочно-белом мареве. Матвей любил такие дни: в них легче быть никем.

Он не заметил девочку, пока она не оказалась прямо перед ним — тощая, в неподходящем для сентября плаще, с рюкзаком, из которого торчал край картонной папки.

— Ты двигаешь вещи, — сказала она без вступления. Не вопрос — утверждение.

Матвей остановился. Привычка — всегда проверять, не смотрит ли кто. Пусто. Только туман и мокрый асфальт.

— Ты что несёшь, девочка. Иди домой.

— Меня зовут Соня. — Она не двинулась с места, хотя взгляд у неё метался, будто она прислушивалась к чему-то внутри собственной головы. — Мне нужен тот, кто двигает вещи. Мама говорила, что если я найду человека с таким даром, мне нужно искать Громовых. Она называла Александра Громова.

— У меня нет времени на...

Она раскрыла папку и протянула ему лист — не глядя, уверенно, будто точно знала, что отдаёт правильному человеку. Бумага была старой, края истрепались, карандашные линии местами размазались от сырости, но изображение всё равно читалось: мужская фигура в профиль, цифра «7» и буква «Г» у края листа. Матвей почувствовал, как у него холодеет затылок: лицо мужчины было очень похоже на лицо с единственной фотографии отца, хранившейся у него дома. В папке лежали семь рисунков, пронумерованных на обороте.

Он не мог ошибиться. Это был его отец.

— Где ты это взяла? — Голос вышел хриплым.

— Мама нарисовала это десять лет назад. — Соня смотрела на него снизу вверх, не мигая, с той прямоотой, которая бывает только у детей, не научившихся ещё бояться взрослых. — Она пропала в ту же ночь. Я думаю, рисунок про тебя. Или про твоего папу. Или про нас обоих.

Матвей смотрел на лист бумаги в своих руках, и туман вокруг них на секунду показался не защитой, а стеной, за которой что-то наконец начинало проступать — медленно, как лицо из-под воды.

— Как твоя мама узнала про моего отца? — тихо спросил он.

— Не знаю, — ответила Соня. — Но ты — тот, кто двигает. А я — та, кто видит. Так папка написала на обороте. Больше я ничего не понимаю. Поэтому мне нужен ты.

Где-то за молочной стеной тумана глухо прогудел корабль, и этот звук показался Матвею похожим на предупреждение.

ГЛАВА 2. ОТКАЗ

Матвей отдал лист обратно так быстро, будто бумага жгла пальцы.

— Слушай, — сказал он, понижая голос и невольно оглядываясь по сторонам, хотя туман всё ещё держал пирс в своих белых объятиях. — Я не знаю, кто тебе наговорил эту историю про меня, но ты ошиблась дверью. Иди домой, пока не замёрзла совсем.

— Я не ошиблась. — Соня не убирала папку, прижимала её к груди, как единственную тёплую вещь на этом пронизывающем ветру. — Мама никогда не ошибалась. То есть она ошибалась в датах, в деталях, но не в людях. Она рисовала людей точнее, чем они сами себя представляли.

— Твоя мама — не моя забота. — Он отвернулся, пошёл вдоль причала, слыша за спиной лёгкие, но упорные шаги — девочка не отставала.

— Ты знаешь человека с рисунка, — сказала она ему в спину. — Я видела, как у тебя изменилось лицо. Это твой папа, да?

Матвей остановился так резко, что чайка, сидевшая на бортике контейнера рядом, сорвалась с места и с криком унеслась в туман.

— Слушай меня внимательно, — он развернулся, присел на корточки, чтобы оказаться на уровне её глаз, — потому что я скажу это один раз. Я не знаю, что случилось с твоей мамой. Мне жаль, правда жаль, если её забрали те же люди, что забрали моего отца. Но я ничего не могу сделать. Я не супергерой из комикса, я парень, который двигает мелкие предметы, чтобы не платить за квартиру из своего кармана. Это всё, на что меня хватает.

— Папка сказала — найди того, кто двигает, он поможет найти маму, — повторила Соня упрямо, будто не услышала ни слова. — Она не писала «найди того, кто двигает мелкие предметы и боится».

Это ударило точнее, чем она, наверное, рассчитывала. Матвей выпрямился, провёл рукой по лицу.

— Иди домой, — повторил он уже тише, устало. — Пожалуйста.

Он пошёл прочь, на этот раз быстрее, через рыбный ряд, где торговки раскладывали на льду утренний улов камбалы и терпуга, выкрикивая цены сквозь туман так, будто надеялись, что он их услышит сквозь молочную завесу. Матвей ввинтился в этот гул голосов, в запах рыбы и соли, надеясь, что девочка потеряется в толпе.

Она не потерялась.

Через полчаса, когда он уже сидел в полуподвальной кафешке на Светланской, грея руки о стакан растворимого кофе, Соня появилась снова — на этот раз мокрая от начавшегося дождя, с папкой, прикрытой под плащом.

— Ты специально меня не замечал в толпе, — сказала она, садясь напротив без приглашения. — Я видела, как ты сдвинул взгляд, когда рыбница пихнула тележку с кальмарами тебе под ноги. Ты её остановил, чтобы она не упала. Для себя ты бы так не напрягался.

Матвей хмыкнул, несмотря на раздражение.

— У тебя дар подмечать, а не только видеть будущее?

— У меня дар не отставать, — ответила она серьёзно, и в этой серьёзности тринадцатилетнего ребёнка было что-то, отчего внутри у Матвея что-то сдвинулось — не физически, просто сдвинулось, как мебель в квартире, где давно никто не менял обстановку.

Он посмотрел на неё внимательнее. Худая, в чужом на вид плаще, с цепочкой на шее, на которой висел простой деревянный кругляш — вроде кулона. Под глазами залегли тени не по возрасту. Девочка, которая не ела досыта и не спала спокойно уже давно.

— Кто тебя воспитывает? — спросил он вдруг.

— Тётка в Снеговой Пади. Она боится, что меня найдут из-за мамы, и не любит, когда я рисую. Поэтому я прячу листы.

— Ты давно живёшь у неё? — спросил Матвей.

— Постоянно — с пяти лет. До этого меня привозили к ней ненадолго. Пока мама была рядом, она иногда звонила тётке и оставляла ей записки. После исчезновения меня устроили к опекунам. Тётка не могла забрать меня сразу: ей пришлось добиваться опеки, и только через два года она смогла оформить всё официально.

— А саму ночь, когда она пропала, помнишь?

— Нет. Мне было три. Голос помню лучше лица. И фразы, которые мама повторяла так часто, что я знаю их наизусть.

— Прячешь от кого?

Соня не ответила сразу. Она посмотрела в окно кафе, за которым дождь размывал фасад дома напротив.

— От людей в сером, — сказала она наконец. — Они приходили к тётке месяц назад. Спрашивали про меня. Говорили, что я нужна для какого-то обследования. Тётка им не открыла, но я видела их в окно. У одного было лицо как у рисунка — у того, что я тебе не показала.

Матвей напрягся.

— Что за рисунок?

Соня медленно, будто взвешивая каждое движение, вытащила из-под плаща другой лист — не тот, с крановым силуэтом, а новый, явно более аккуратный, нарисованный, судя по чёткости линий, не десять лет назад, а недавно, самой Соней. На нём был мужчина лет сорока пяти, в строгом костюме, с ровным, безжизненным взглядом, который художница — тринадцатилетняя девочка — сумела передать с пугающей точностью.

— Он снится мне, — тихо сказала она. — Иногда во сне он говорит со мной. Говорит, что хочет помочь. Но я ему не верю.

Матвей взял лист в руки — осторожно, будто боялся, что бумага может укусить, — и почувствовал, как по спине прошёл холод.

Он не знал этого человека лично. Но что-то в развороте плеч, в постановке подбородка показалось ему смутно знакомым — так, как бывает знакомо лицо из детского кошмара, который снился слишком часто, чтобы забыть окончательно.

За окном кафе, по ту сторону дождя, у подъезда напротив остановилась серая машина без опознавательных знаков.

Матвей не успел ничего сказать. Соня вдруг напряглась вся, резко, будто её ударило изнутри током, глаза расфокусировались — и спустя секунду она уже сидела неподвижно, уставившись в одну точку на столе, бормоча едва слышно:

— Семь... он у крана... туман скрывает... беги...

— Соня. — Матвей тряхнул её за плечо. — Соня, очнись.

Она моргнула, вернулась, посмотрела на него испуганно, как человек, вынырнувший из-под воды.

— Они нас нашли, — прошептала она. — Не сейчас. Но скоро. Я видела машину. Я видела этот стол. Мы сидим здесь прямо сейчас в моём видении — только оно было минуту назад.

Матвей бросил взгляд в окно. Серая машина так и стояла у подъезда, но теперь из неё выходили двое — в штатском, в одинаковых тёмных куртках, с той особой выправкой, которую вырабатывает только одна школа в этом городе.

Камень в кармане, который он носил десять лет, вдруг налился тяжестью настоящей опасности.

Матвей мог уйти один. Служебный выход был рядом, и если бы он исчез сейчас, люди в сером занялись бы Соней — маленькой, медленной, с папкой под плащом. Он уже почти сделал шаг к двери, когда девочка побледнела ещё сильнее.

— Они не будут меня просто допрашивать, — прошептала она. — Они проверят, сколько нужно, чтобы я перестала видеть.

Матвей вспомнил отца, его спокойный голос за дверью и собственное молчание за шкафом. Тогда он спрятался, потому что был мальчишкой, который не знал, что делать. Сейчас он мог снова спрятаться — только уже за чужой спиной. Он вернулся к Соне и заслонил её собой.

— Пригнись, — сказал он Соне. — И не отходи от меня ни на шаг.

ГЛАВА 3. ТУМАН НА СВЕТЛАНСКОЙ

Матвей бросил на стол деньги, не считая, и схватил Соню за руку.

— Через кухню, — сказал он негромко, кивнув в сторону служебной двери. Бариста понял без объяснений: здесь знали, что иногда людям нужен запасной выход.

Они вышли в узкий двор-колодец между доходными домами, где туман стоял так плотно, что фонарь на углу казался размытым жёлтым пятном, подвешенным в пустоте. Соня тяжело дышала, прижимая папку к груди.

— Куда они идут? — спросил Матвей, толкая её вперёд, вдоль мокрой кирпичной стены.

— Не знаю. Видения не показывают карту, они показывают кусок. — Она болезненно сморщилась. — Иногда я вижу то, что уже случилось, и то, что случится, в одной картинке. Это как смотреть кино, которое кто-то порезал и склеил неправильными кусками.

Они вывернули на Светланскую с другой стороны, но на углу у аптеки Матвей заметил ещё одну машину — такую же серую, безликую, с запотевшими стёклами. Из неё никто не вышел. Это было хуже, чем если бы вышли: значит, кто-то сидел внутри и наблюдал.

— Через боковой проход к Алеутской, потом спустимся к набережной, — пробормотал Матвей, вспоминая маршруты, которые выучил за годы жизни в режиме «не выделяться». — Там есть лестница во двор, через которую можно выйти к старым складам.

Он потянул Соню в переулок, ведущий к Центральному рынку, где даже в такой туманный день бурлила обычная жизнь: китайские торговцы раскладывали мандарины рядом с местными, продававшими сушёный папоротник и мёд, кто-то торговался за дешёвые кроссовки, кто-то курил у входа, пряча сигарету в кулаке от дождя.

Среди этого гула было проще спрятаться — но и проще потерять контроль над ситуацией.

— Не отставай, — бросил Матвей и начал прокладывать путь через ряды, лавируя между прилавками.

Соня держалась рядом, цепляясь взглядом за лица прохожих, будто искала среди них знакомые — те, что приходили во сне. На полпути через рыночный проход она вдруг замерла.

— Он здесь, — выдохнула она.

— Кто?

— Человек с рисунка. Не он сам — его человек. — Она кивнула едва заметно в сторону прилавка с орехами, где стоял мужчина лет тридцати в неприметной куртке, листая телефон с нарочитой скукой. — Он нас уже видел. Он ждёт подкрепление.

Матвей не стал проверять, права она или нет. Он почувствовал — тем особым чутьём, которое вырабатывается у людей, годами избегавших внимания, — что воздух вокруг изменился, что скука на лице мужчины у прилавка была надетой маской, а не настоящим состоянием.

— Иди вперёд, не беги, — сказал он Соне тихо. — Через ряд с тканями, потом вниз по лестнице к Корабельной.

Сам он на несколько шагов отстал, якобы разглядывая развешанные шарфы, и, проходя мимо прилавка с орехами, едва заметно повёл рукой — так, что мешок с грецкими орехами, стоявший на самом краю прилавка, соскользнул и обрушился прямо под ноги мужчине в куртке. Орехи раскатились по мокрому асфальту, продавец закричал, требуя оплатить товар, мужчина выругался, запутавшись в собственных ногах, пытаясь удержать равновесие и телефон одновременно.

Это дало им лишних пятнадцать секунд.

Матвей догнал Соню у лестницы, ведущей вниз к Корабельной набережной, и дальше они уже бежали — не оглядываясь, перескакивая через две ступеньки, пока туман не поглотил рынок за их спинами полностью, оставив только отдалённые крики и гудки машин.

У подножия лестницы Соня остановилась, схватившись за грудь, пытаясь отдышаться.

— Почему они за мной? — выдавила она между вдохами. — Я просто рисую. Я никому ничего не сделала.

Матвей оглянулся — туман позади был плотным и спокойным, пока без признаков погони.

— Потому что твоя мама что-то знала, — сказал он, присаживаясь рядом с ней на мокрый парапет набережной. — И потому что ты, похоже, унаследовала не только её дар, но и то, что она знала. Даже если сама этого не понимаешь.

— А ты? — Соня посмотрела на него в упор, и в её взгляде не было больше той детской настойчивости — было что-то взрослее, тяжелее. — Почему они не трогали тебя десять лет, а теперь вдруг появились, как только я тебя нашла?

Матвей не ответил сразу. Он смотрел на серую воду бухты, где туман и море сливались в одну неразличимую массу, будто сама природа во Владивостоке стремилась спрятать границы между вещами.

— Потому что раньше я был никем, — сказал он наконец. — А теперь, похоже, я кусок твоего рисунка.

Где-то наверху, на рыночной площади, взревела сирена — не милицейская, другая, глухая и короткая, какую используют закрытые службы для своих.

— Нам нужно уходить дальше от центра, — сказал Матвей, вставая и протягивая Соне руку. — Я знаю место, где нас пока не найдут. Но тебе придётся рассказать мне всё — каждый

рисунок, каждый сон, каждое слово твоей матери. Если я ввязываюсь в это, я должен понимать, во что.

— Я уже ввязался, — сказал Матвей. — Когда решил не оставлять тебя в кафе.

Соня взяла его руку, поднялась, и в этом простом жесте было больше доверия, чем в любых словах, которые она произнесла за весь день.

— Договорились, — сказала она. — Но сначала тебе нужно увидеть третий рисунок. Я не показывала его никому. Даже тётке. Он не про кран, как седьмой, — на нём другое место.

Она открыла папку чуть шире, и Матвей увидел край листа, туго свёрнутого в трубочку и перевязанного ниткой — отдельно от остальных, как будто мать Сони хотела, чтобы этот рисунок увидели последним.

Короткий сигнал наверху стих. Туман над бухтой сгустился ещё плотнее, скрывая всё, кроме смутных очертаний крана на дальнем пирсе — того самого крана, который Матвей уже видел на седьмом рисунке.

ГЛАВА 4. КАЗЁНКА

Здание на Партизанском проспекте снаружи выглядело как обычный НИИ — облупленная вывеска «Дальневосточный институт прикладной психофизиологии», решётки на окнах первого этажа, вахтёрша на входе, читающая кроссворд. Внутри, за третьей дверью по коридору, где обычный посетитель упёрся бы в табличку «Служебное помещение, посторонним вход запрещён», начиналась совсем другая архитектура — бетонные переходы без окон, лифты с считывателями радужки, и воздух, в котором всегда пахло хлоркой и чем-то неопределимо химическим.

Полковник Руслан Багров вошёл в конференц-зал ровно в девять, как делал это каждое утро последние двенадцать лет. Он не любил опозданий — ни своих, ни чужих, — и считал, что точность — это единственная добродетель, которая отличает человека от хаоса, царящего в головах одарённых.

За столом уже сидели четверо: майор Крылов, отвечающий за полевые группы, две женщины-аналитика из отдела прогнозирования и молодой капитан Дорохов, формально числившийся адъютантом, а по факту — личным Слышащим Багрова, которого полковник держал при себе, чтобы считывать прошлое любых подозрительных предметов быстрее, чем это делает вражеская сторона.

— Докладывайте, — сказал Багров, садясь во главе стола.

Крылов включил проектор. На экране возник план портовой зоны с несколькими отмеченными точками.

— Контейнер с Ковалёнтом-7, обнаруженный вчера в старом хранилище на острове Елены, пропал из транспортного блока двадцать два часа назад, — начал он без вступлений. — Внутренняя проверка исключает техническую ошибку. Остаётся два варианта: кража изнутри или диверсия со стороны неизвестной группы одарённых.

Его нашли во время разборки законсервированного сектора. По архивным номерам специалисты установили, что это тот самый контейнер, который исчез десять лет назад из дела Левшиной. После сорванной попытки вывезти его контейнер вернули в законсервированный сектор островного хранилища и скрыли под другим инвентарным номером; эта запись не попала в основное дело. Его перевезли в транспортный блок для проверки, но до завершения осмотра он пропал снова.

— Кто имел доступ к блоку? — спросил Багров.

— Семь человек с допуском третьего уровня. Все проверены на детекторе Внушения, все дали чистые показания.

— Значит, доступ был у кого-то с допуском выше третьего, — сказал Багров, не повышая голоса, но от этой фразы в комнате сделалось холоднее. — Или кто-то обошёл детектор.

Он встал, подошёл к экрану, провёл пальцем по карте порта, остановившись на отметке причала номер семь.

— Девять лет Отдел К вёл проект. Семь из них над формулой работала Левшина. Девяносто два носителя погибли или остались инвалидами в процессе испытаний, прежде чем мы получили рабочий образец. И теперь контейнер с остальными образцами исчез снова. — Он обернулся к собравшимся. — Я не намерен объяснять это дальше по инстанции как провал. Это недопустимо.

— Есть зацепка, — сказала одна из аналитиков, молодая женщина с усталым лицом, которую все звали просто Инга Р. — Камеры наблюдения зафиксировали на территории порта активность одарённого с профилем «психокинетик». Почерк аналогичен тому, что мы наблюдали десять лет назад в деле Громова.

— Контейнер переместили без следов волочения, — добавила Инга. — Замки и пломбы не повреждены. По записям похоже, что его сдвинули психокинетически. Такой же почерк был в деле Александра Громова. Это не доказывает, что действовал Матвей, но делает его одним из основных подозреваемых.

— Психокинетиков в городе немало, — заметил Дорохов. — Почему мы зацепились именно за него?

— Потому что контейнер исчез в тот же день, когда Матвей Громов встретил дочь Левшиной, — ответил Багров. — Совпадение не является доказательством, но вместе с почерком и рисунками даёт нам основание проверить его первым.

Багров замер — на долю секунды, незаметную для большинства присутствующих, но Дорохов, сидевший рядом, этот момент считал: лёгкое напряжение в плечах полковника, короткая пауза перед следующим вдохом. Так Внушающие высшего уровня иногда реагируют на имена, которые задевают что-то личное — даже если сами они давно научились прятать подобные реакции от всех, кроме себя.

— По документам Громов погиб в блоке № 3 шесть лет назад, — сказал Багров ровно.

— А фактически? — спросила Инга.

Багров посмотрел на неё без выражения.

— Фактически его дело закрыто.

— Я говорю про сына, — поправила Инга. — Матвей Громов, двадцать семь лет, проживает во Владивостоке без регистрации по основному месту, формально нигде не работает, замечен в нескольких эпизодах мелкого психокинетического воздействия, но ни разу не привлекался серьёзно. До сих пор мы считали его неопасным.

— До сих пор, — повторил Багров задумчиво. — Что изменилось?

— Фиксация камер в порту показывает его в непосредственной близости от точки предполагаемой пропажи контейнера, за несколько часов до самого инцидента, — Инга вывела на экран кадр: размытая фигура у седьмого причала, туман скрывал черты лица, но силуэт был узнаваемым. — С ним была тринадцатилетняя девочка. Профиль не установлен, но по характеру движений — вероятная Смотрящая.

Багров долго смотрел на размытую фигуру на экране.

Он помнил ту ночь десять лет назад почти по минутам — не потому что она была особенно значимой в его карьере, таких облав было десятки, — а потому что в ней было что-то неправильное, оставшееся незавершённым. Старший Громов не сдался. Он сопротивлялся до последнего, применяя дар с такой яростью отчаяния, что сломал двум бойцам руки прежде, чем его подавили химически. А потом, уже в блоке, в допросной, он сказал Багрову одну фразу, которую полковник так и не смог забыть, хотя никогда бы в этом не признался: «Вы ищете сыворотку, которая сделает нас послушными. Вы никогда не поймёте, что послушание — это и есть то, что убивает дар».

— Крылов, — сказал Багров, не отрывая взгляда от экрана. — Поднимите личное дело Громова-младшего полностью. Я хочу знать о нём всё — где живёт, с кем связан, какие у него привычки.

— Будет сделано.

— И ещё, — Багров развернулся к Дорохову. — Проверьте архив прогнозирования на предмет Веры Левшиной. Если девочка, которую видели с Громовым, действительно Смотрящая её поколения, вероятность, что это дочь Левшиной, достаточно высока. А если так — у неё могут быть материалы матери. Включая то, что мы считали утраченным.

В комнате повисла тишина. Все знали, что имя Левшиной в этом здании произносилось редко — не из страха, а из профессиональной осторожности: дело Левшиной было единственным незакрытым провалом в карьере полковника, единственным носителем, которого Отдел К так и не смог ни найти, ни объяснить.

— Если контейнер действительно у Громова, — произнёс Багров медленно, формулируя приказ так, будто читал его из какого-то внутреннего, давно заготовленного текста, — Матвея взять живым. Девочку — тоже. Остальных, кто попадётся под руку, можно не беречь.

Он выключил проектор, и экран погас, оставив комнату в тусклом свете люминесцентных ламп.

— У нас есть сутки, прежде чем информация утечёт за пределы Владивостока, — добавил он, уже выходя из зала. — Если контейнер попадёт в чужие руки — контрабандисты, иностранные перекупщики или сами одарённые со своими дурацкими идеалами свободы, — девять лет проекта и девяносто два погибших или искалеченных носителя превратятся в ничто. Я не намерен это допустить.

Дверь за ним закрылась с глухим металлическим стуком, похожим на звук захлопнувшегося контейнера.

ГЛАВА 5. СЛЫШАЩАЯ РИТА

Они ушли с Корабельной набережной через боковые улицы, не возвращаясь к рынку и не выходя на главные перекрёстки. До Нейбута пешком было далеко, а после погони рисковать ещё одной встречей с вытяжниками Матвей не хотел. У обочины он поймал старую машину, назвал адрес Риты и сел так, чтобы Соня оказалась между ним и дверью.

Квартира Риты Коваль находилась на последнем этаже старой пятиэтажки на Нейбута — туда вела лестница с выбитыми стёклами на площадках, пахнущая кошками и сырым бельём, но сама квартира внутри была неожиданно чистой, почти стерильной, будто хозяйка пыталась компенсировать беспорядок всего остального мира идеальным порядком в собственных четырёх стенах.

— Ты притащил ребёнка, — сказала Рита вместо приветствия, глядя на Соню через дверной проём. — Матвей, ты в своём уме?

— У меня не было выбора, — ответил он, подталкивая Соню внутрь. — Нас ищут. Серьёзно ищут, не рыночная шпана, а, похоже, Казёнка.

Это слово заставило Риту замолчать на секунду дольше, чем обычно. Она была женщиной лет сорока пяти, с резкими чертами лица и короткой стрижкой, которую сама же себе подрезала машинкой, не доверяя парикмахерам прикасаться к своим волосам — любое случайное прикосновение могло отправить её в водоворот чужих воспоминаний, если человек не умел контролировать то, что исходит от его собственных рук.

— Заходите, — сказала она наконец, пропуская их и захлопывая дверь на три замка. — И быстро объясни мне, что происходит, прежде чем я решу, стоит ли мне вообще в это лезть.

Матвей коротко пересказал события дня: девочка, рисунки, человек, похожий на отца на одном из них, слежка на рынке, погоня через Светланскую. Рита слушала, скрестив руки на груди, не перебивая, лишь иногда бросая быстрые взгляды на Соню, которая устроилась на краешке дивана, прижимая папку к себе, как единственную опору в чужой квартире.

— Покажи мне рисунок, — сказала Рита, когда Матвей закончил.

Соня неохотно достала первый лист — тот, с краном и фигурой у него. Рита не стала брать бумагу в руки сразу — опытные Слышащие знали, что считывание прошлого объекта требует концентрации, а необдуманное прикосновение могло выдать больше, чем хотелось бы, или, наоборот, захлестнуть мозг информационным шумом настолько сильным, что потом неделю будет болеть голова.

Она глубоко вдохнула, закрыла глаза и осторожно коснулась края листа кончиками пальцев.

Несколько секунд она молчала, лицо её оставалось неподвижным, только едва заметно подрагивали веки — так бывает у человека, который видит сон на грани пробуждения.

— Этот лист хранился в сырости долго, — сказала она наконец, не открывая глаз. — Годы. Я чувствую запах подвала, старого дерева, какой-то химии — формалин, кажется. Он лежал рядом с другими бумагами в металлической коробке. Руки, которые его прятали, были женскими, дрожащими — не от старости, от страха. — Она открыла глаза, посмотрела на Сою. — Твоя мама прятала эти рисунки, боясь, что их найдут раньше тебя. Она знала, что за ней придут.

— Она знала, что умрёт? — тихо спросила Соня.

— Я не вижу смерти, — ответила Рита мягко. — Прошлого объекта обрывается там, где заканчивается его контакт с миром. Этот лист перестал быть в её руках в тот момент, когда она его спрятала. Что случилось дальше — я не знаю, да и никто не знает, иначе ты бы не искала её десять лет.

Матвей сидел молча, наблюдая за этим диалогом, чувствуя себя одновременно лишним и до странности нужным — будто его присутствие было обязательным условием происходящего, хотя никто пока не мог объяснить почему.

— Рита, — сказал он наконец. — Мне нужно, чтобы ты посмотрела кое-что ещё.

Он достал из кармана обрывок — ту самую бумажку, которую подобрал машинально, когда орехи раскатились по рынку: визитка мужчины в куртке, выпавшая из его сумки в суматохе. На обороте визитки от руки был записан номер телефона и короткая аббревиатура: «НИИ ПП, доб. 214».

Рита взяла визитку, на этот раз без промедления.

— Этот предмет новый, — сказала она после паузы. — Был в руках мужчины примерно час. До этого — в ящике стола, рядом с десятком таких же визиток. Я вижу помещение — коридор без окон, запах хлорки, зелёные стены. Этот человек получил визитку от кого-то старшего по званию, вместе с инструкцией — найти девочку с рисунками и мужчину-психокинетика, задержать живыми, применить силу только при необходимости.

— Институт прикладной психофизиологии, — пробормотал Матвей. — Казёнка прячется за гражданской вывеской.

— Это известно половине одарённых города, — сказала Рита, возвращая визитку. — Другой вопрос — почему именно сейчас они вдруг решили ловить вас так открыто, рискуя засветиться на камерах рынка. Обычно Отдел К действует тише.

Соня перелистнула папку, ещё раз проверяя номера на обороте листов: от первого до седьмого. Третий рисунок, который она обещала показать Матвею, был отдельным от изображения крановой площадки.

— Потому что речь о чём-то важном для них, — сказала она неожиданно. — На седьмом рисунке. Про крановую площадку. Я думаю, там что-то спрятано, и они это ищут так же, как мы.

Рита посмотрела на девочку внимательнее, будто впервые по-настоящему оценивая, с кем имеет дело.

— Сколько тебе лет?

— Тринадцать.

— Значит, десять лет назад тебе было три, — сказала Рита.

Соня кивнула.

— Я не помню саму ночь. Помню, как просыпалась у тётки и спрашивала, почему мама не пришла. Сначала мне говорили, что она уехала ненадолго. Потом перестали обещать, что она вернётся.

— А дар давно проснулся?

— С рождения, кажется. Мама говорила, что я видела первое видение, когда мне было два года. Про пожар в доме соседей. Он случился через неделю.

Рита покачала головой, перевела взгляд на Матвея.

— Знаешь, что это значит, если девочка права насчёт рисунка? — спросила Рита тихо, отводя его к окну, подальше от Сони. — Твой отец был связан с контейнером, который исчез десять лет назад. Но это ещё не доказывает, что он жив. По документам он погиб, а тела ты не видел. И есть ещё одна странность: контейнер могли спрятать не в конкретном месте, а в движении — так, чтобы след терялся, пока его перевозят.

Матвей посмотрел в окно — за стеклом уже темнели соседние дома.

— Мне нужно попасть в порт, — сказал он. — К седьмому причалу. Сегодня, пока туман не рассеялся и видеонаблюдение бесполезно.

— Ты с ума сошёл, — сказала Рита резко. — Если Казёнка стягивает людей к этому месту, туда лезть сейчас — самоубийство.

— У меня нет выбора, Рита. — Он посмотрел на неё в упор, и в его взгляде была та самая решимость, которой не было в нём десять лет — с той самой ночи у шкафа. — Если там действительно есть что-то, связанное с моим отцом, я должен узнать это сам. Я не могу больше просто сидеть и ждать, что всё пройдёт мимо.

Он посмотрел на Соню. Если он уйдёт один, девочка снова останется перед людьми, которые считают её не человеком, а ключом.

— Я иду не только за ответами, — сказал он. — Я заберу её с собой.

Рита долго молчала, глядя на него, потом вздохнула и подошла к старому шкафу в углу комнаты, откуда достала потёртую сумку.

— Тогда я иду с вами, — сказала она. — Потому что одно дело слышать прошлое вещей, и совсем другое — слышать прошлое места, где десять лет назад спрятали секрет, за которым теперь охотятся все. Тебе понадобится кто-то, кто сможет это считать на месте, а не гадать по обрывкам бумаги.

Соня впервые за весь день улыбнулась — слабо, устало, но искренне.

— Значит, нас уже трое, — сказала она.

— Трое, которые собираются влезть в самое опасное место города в тумане, преследуемые секретной организацией, — хмыкнула Рита, застёгивая сумку. — Прекрасный план. Идёмте, пока у меня не осталось времени передумать.

ГЛАВА 6. СЕДЬМОЙ ПРИЧАЛ

Туман над портом к вечеру стал настолько плотным, что фонари на причалах светили не дальше трёх метров, превращая каждый из них в отдельный остров тусклого жёлтого света в океане серой мглы. Именно этого Матвей и ждал — туман был его естественной средой, той же, что скрывала Отводящих, только работал он по другим законам: не искажал восприятие, а просто физически мешал видеть.

— Держитесь за мной, — сказал он, пригибаясь за рядом контейнеров, выстроенных вдоль седьмого причала.

Рита шла следом, прикрыв глаза полуприкрытыми веками — она объяснила ещё по дороге, что в местах с таким количеством металла и бетона, где побывало слишком много людей, её дар работает иначе: она не считывает конкретный предмет, а как бы «слышит эхо» — множество слоёв прошлого, наложенных друг на друга, как старая магнитная лента, пере-записанная десятки раз.

— Здесь что-то произошло недавно, — пробормотала она, остановившись у основания портового крана, того самого, что был изображён на рисунке Веры Левшиной. — Очень недавно. Меньше суток. Я чувствую суету, панику, несколько человек бежали вот отсюда к воде.

Соня, которая всё это время молчала, вдруг напряглась — её глаза расфокусировались, тело застыло в той характерной неподвижности, которую Матвей уже видел в кафе на Светланской.

— Здесь был контейнер, — прошептала она, не открывая глаз, голос звучал глухо, будто доносился из-под воды. — Не нынешний — тот, который исчез десять лет назад. Я узнаю знак на бирке. Я вижу старое событие: маленький металлический контейнер несли двое — не военные, обычные грузчики, не понимавшие, что несут. Потом — вспышка, крики, кто-то упал. Двое грузчиков попытались вывезти контейнер, но видение оборвалось прежде, чем Соня увидела, куда его увезли.

Она моргнула, вернулась в реальность, покачнулась — Матвей успел подхватить её под руку.

— Ты в порядке?

— Да, — выдохнула она. — Просто это тяжелее, когда видение совпадает с местом, где стоишь. Как будто прошлое наступает мне на пятки.

— Соня видела прошлое, — сказала Рита, прислушиваясь к собственному ощущению. — А я чувствую свежий след: после кражи контейнер перемещали отсюда к старому доку. Не знаю, есть ли он там сейчас, но это единственное направление, которое мы можем проверить. Старый док за ледокольной стоянкой, через два квартала отсюда. Зброшенный с девяностых.

Матвей хотел ответить, но замер — где-то справа, за рядом контейнеров, туман прорезал луч фонаря,двигающийся методично, по дуге, как у человека, который прочёсывает территорию по инструкции, а не ищет что-то наугад.

— Ложись, — прошипел он, толкая Соню и Риту за угол ближайшего контейнера.

Шаги приближались — три, может, четыре пары ног,двигающихся слишком синхронно для случайных прохожих. Матвей осторожно выглянул из-за угла: трое мужчин в тёмной форме без знаков различия, с оружием с коротким утолщённым стволом, больше похожим на электрошокер, чем на винтовку.

Подавители. Он слышал про такое оружие от рыночных одарённых — заряды, которые на несколько минут глушат доступ к дару, вызывая у носителя что-то вроде мигрени и временной потери контроля. Против обычного человека бесполезны, против одарённого — страшнее любого обычного оружия.

— Вытяжки, — прошептала Рита, заметив их экипировку. — Полевой отряд Отдела К. Не сами Отводящие, а те, кто умеет вылавливать одарённых. Но среди них наверняка есть и Отводящий — вон как они прикрывают подходы.

Один из троих поднял руку, подавая сигнал остальным остановиться, и начал говорить в рацию так тихо, что слов было не разобрать — но по интонации Матвей понял: они что-то обнаружили, или кого-то.

— Нас заметили? — прошептала Соня.

— Не знаю. — Матвей напряжённо следил за движениями троих мужчин. Один из них достал прибор, похожий на увеличенный металлодетектор, и начал водить им вдоль контейнеров — методично, рядом за рядом, приближаясь к их укрытию.

Решение пришло быстро, почти рефлекторно, — ровно так, как Матвей привык действовать на ставках, когда нужно отвлечь внимание в последнюю секунду. Он сосредоточился на штабеле пустых бочек, стоявших в десяти метрах от вытяжников, и толкнул их мысленно, резко, с силой — так, чтобы верхние бочки с грохотом посыпались на бетон.

Звук разорвал туман, как выстрел.

— Проверить! — рявкнул один из вытяжников, и все трое метнулись в сторону грохота, оружие наготове.

— Сейчас, — шепнул Матвей, хватая Соню и Риту за руки. — К доку, бегом, пока они разбираются.

Они метнулись в противоположную сторону, вдоль ряда контейнеров, темнота скрывала их силуэты, но каждый шорох и каждый шаг казались слишком громкими. Позади раздался крик — один из вытяжников, видимо, обнаружил, что бочки упали сами, без видимой причины, и теперь орал в рацию что-то про аномальную активность в секторе.

— Они поймут, что мы были здесь, — выдохнула Рита на бегу.

— Поймут, — согласился Матвей. — Но у нас есть минута форы, пока они проверяют периметр.

Они добежали до края территории порта, где высокий забор из сетки отделял действующие причалы от заброшенной зоны старого ледокольного дока. Ограждение было порвано в одном месте — явно не впервые кто-то проходил здесь без разрешения.

— Через дыру, — скомандовал Матвей, пропуская Соню первой.

Когда все трое оказались на той стороне, в зоне старого дока, они почти сразу потеряли из виду действующие причалы. Здесь почти не работали фонари, а корпуса списанных судов тонули в темноте, подпертые металлическими конструкциями и похожие на скелеты огромных морских животных.

— Контейнер где-то здесь, — прошептала Соня, снова прикрывая глаза, пытаясь вызвать продолжение видения. — Я чувствую... холод. Металл. Темноту замкнутого пространства.

— Он может быть внутри одного из этих корпусов, — предположила Рита, обводя взглядом безжизненные силуэты судов.

Позади, со стороны порта, донёсся новый звук — лай собак. Не обычных, судя по глухой агрессии в голосе, а специально натренированных для отслеживания определённого запаха или следа.

— У них собаки, — выдохнул Матвей. — Нам нужно спрятаться, и быстро, или найти контейнер раньше, чем они нас окружают.

Соня вдруг схватила его за руку, глаза её расширились — ещё одно видение накатывало на неё, на этот раз сильнее, резче, заставляя её покачнуться на ногах.

— Он там, — прошептала она, указывая дрожащей рукой в сторону самого большого из списанных кораблей — старого ледокола, чей корпус возвышался над остальными, как ржавый памятник прошлой эпохе. — Внутри. На нижней палубе. Но мы не одни, кто его ищет.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Рита.

— Там кто-то уже есть, — выдохнула Соня. — Я видела тень. Чужую. Не из Отдела.

Лай собак становился ближе, сырой воздух стелился у их ног, и где-то во мгле, у подножия ржавого ледокола, едва заметно мигнул огонёк фонаря — чей-то, не их.

ГЛАВА 7. ТЕНЬ У ЛЕДОКОЛА

Матвей выключил свой телефон, чтобы случайный сигнальный огонёк экрана не выдал их во мгле, и прижал палец к губам, кивая в сторону фонаря, мигавшего у подножия ледокола.

— Может, это свои, — прошептала Соня. — Одарённые.

— А может, ещё одна группа вытяжников, — отозвался Матвей. — Будем выяснять осторожно.

Они обогнули ржавый корпус с подветренной стороны, где обшивка проржавела насквозь, образовав рваный пролом, достаточно широкий, чтобы пробраться внутрь. Матвей первым скользнул через край, помогая Соне и Рите спуститься вслед за собой на нижнюю палубу, пропахшую мазутом, старым железом и стоячей водой, скопившейся в трюме за десятилетия забвения.

Фонарь, который они видели снаружи, оказался внутри — тусклый, прикрытый тряпкой, он давал ровно столько света, чтобы различить силуэт человека, сидящего на корточках у груды проводов и ящиков, явно переоборудованных во что-то вроде временного укрытия.

— Стой на месте, — произнёс голос из темноты, спокойный, но твёрдый. — Я уже три минуты знаю, что вы здесь. Просто ждал, когда вы перестанете шуметь и покажетесь сами.

Матвей замер, инстинктивно готовясь толкнуть что-то в сторону голоса, если понадобится, — но прежде чем он успел среагировать, фигура у фонаря вдруг... исчезла. Не ушла, не спряталась за ящиками — просто растворилась, будто туман внутри корабля сгустился ровно в том месте, где секунду назад сидел человек.

— Отводящий, — выдохнула Рита. — Он просто искажает ваше восприятие. Он всё ещё там.

— Отводящий — это не название группы, — быстро пояснила Рита Соне. — Это тип дара. Он может отвести взгляд, слух и внимание от себя. Ты смотришь прямо на него, и мозг решает, что там ничего нет.

— Умная женщина, — отозвался голос, теперь откуда-то слева, хотя источник света так и не сдвинулся с места. — Расслабьтесь. Если бы я хотел вам вреда, вы бы уже лежали мордой в палубу.

Фигура у фонаря снова появилась в поле зрения. Теперь человек стоял, скрестив руки на груди, и разглядывал гостей с настороженным любопытством. Это был мужчина лет тридцати пяти, невысокий, крепко сложенный, в потрёпанной куртке портового грузчика — одежда, явно выбранная не случайно, чтобы не привлекать внимания.

— Костя, — представился он коротко. — А вы, я так понимаю, те самые, за кем сейчас полпорта вытяжников бегают с собаками?

— Это из-за нас шум? — уточнил Матвей.

— Шум был из-за вас с того момента, как Казёнка объявила общий сбор полевых групп три часа назад, — ответил Костя. — У нас в общине есть свои люди в системе наблюдения порта. Когда началась такая суeta, я сразу понял, что дело пахнет чем-то крупным. Решил проверить лично.

— «Общине»? — переспросила Соня.

Костя посмотрел на неё внимательнее, задержав взгляд на папке в её руках.

— Ты та девочка, про которую говорят последние сутки, — сказал он не вопросом, а утверждением, очень похоже на то, как сама Соня разговаривала с Матвеем утром. — Дочка Левшиной.

Соня напряглась.

— Откуда вы знаете мою маму?

— Все, кто прячется в этом городе дольше десяти лет, знают историю Веры Левшиной, — ответил Костя, в его голосе прозвучала смесь уважения и горечи. — Она была одной из немногих, кто пытался достучаться до нас, обычных одарённых, до того как её забрала Казёнка. Предупреждала, что рано или поздно они начнут не просто ловить нас по одному, а охотиться системно. Многие ей не поверили. Я поверил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.